

БЕЗ ПРАВА НА ОШИБКУ

Рина Манова
Без права на ошибку

https://litres.ru/74782688
SelfPub; 2026

Аннотация

Он умел держать удар, пока один бой не отнял у него ринг. Она умеет держать зал, но не может удержать собственную жизнь.

Глеб Ветров — бывший боксёр, которому после травмы глаза навсегда запретили выходить на ринг. Алиса Корнеева, певица Лиса, — капризная звезда, которая меняет охранников как перчатки. Кто-то пишет ей письма на кремовой бумаге, знает, во что она одета, и однажды оставляет на её подушке фотографию: Алиса спит, а снимок сделан изнутри её спальни.

Он не любит поп-звёзд. Она не любит, когда ей говорят «нельзя». Но человек, который подписывается «Твой единственный слушатель», ближе, чем они оба думают.

Содержание

Глава 1. Человек без ринга 5
Глава 2. Шкаф 18
Глава 3. Человек в капюшоне 34
Глава 4. Синее одеяло 47
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Рина Манова
Без права на ошибку

Глава 1. Человек без ринга

В половине седьмого утра в зале на Шаболовке пахло хлоркой, старой кожей и чужим потом, въевшимся в стены за тридцать лет. Глеб Ветров любил этот запах так, как любят запах дома, в который больше нельзя вернуться.

Он стоял у мешка и не бил. Просто положил на него ладонь, обмотанную бинтом, и чувствовал, как тот медленно покачивается — будто дышит. Мешок был старый, советский, перетянутый скотчем в трёх местах. Глеб помнил, как в двенадцать лет впервые ударил его так, что дядя Миша поднял бровь и сказал: «Ну-ну». От дяди Миши это «ну-ну» стоило больше, чем от других — медаль.

— Опять стоишь, — раздалось за спиной.

Михаил Петрович Сомов, тренер, который вырастил трёх чемпионов Европы и одного почти чемпиона мира, ковылял от раздевалки с термосом в руке. Ему было семьдесят два, у него было искусственное колено и характер старого бульдога.

— Стою, — согласился Глеб.

— Бить нельзя, а стоять можно. Хитро устроился.

— Врачи про стоять ничего не говорили.

Дядя Миша налил чай в крышку термоса и протянул ему. Глеб взял. Чай был чёрный, как дёготь, и сладкий до неприличия — тренер клал по пять ложек и считал, что сахар лечит всё, кроме дурости.

— Как глаз?

— Видит.

— Я не про то спрашиваю.

Глеб пожал плечами. Левый глаз видел. Чуть хуже, чем правый, с лёгкой рябью по краю, будто смотришь через тонкую плёнку воды. После операции хирург, сухой немногословный человек с руками пианиста, сказал ему фразу, которую Глеб потом прокручивал в голове сотни раз: «Ещё одно сотрясение — и вы ослепнете на этот глаз. Не «может быть». Ослепнете».

Отслоение сетчатки. Бой с Рустамом Алиевым, полуфинал отборочного турнира, до титульного боя оставалось два шага. Восьмой раунд, Глеб вёл по очкам, он помнил, как увидел пустоту в защите Алиева и пошёл вперёд — и пропустил боковой, короткий, почти ленивый. Ничего особенного. Он такие пропускал сотни раз. Только в этот раз мир слева мигнул и стал похож на старую плёнку, по которой кто-то провёл грязным пальцем.

Он дотянул бой. Выиграл решением судей. А через неделю лежал на операционном столе и слушал, как врач говорит, что карьера окончена.

С тех пор прошло полтора года.

— Тимур звонил, — сказал дядя Миша, отхлебнув из крышки. — Тебя искал. Говорит, ты трубку не берёшь.

— Я ночью дежурил.

— Где на этот раз?

— Склад в Люберцах. Охраняю коробки с плиткой.

Тренер хмыкнул.

— Плитка — это достойно. Плитку воруют. Её надо охранять.

Глеб усмехнулся, впервые за утро. Дядя Миша умел так — сказать что-то с совершенно серьёзным лицом, и становилось легче.

— Позвони ему, — тренер забрал крышку обратно. — Он сказал, работа хорошая. Деньги хорошие. Тебе на зал нужно.

На зал. Это была мечта, о которой Глеб говорил вслух только с двумя людьми — с дядей Мишей и с Тимуром. Детский боксёрский клуб. Не для чемпионов, а для пацанов, которых больше некуда девать — как когда-то самого Глеба, сына матери-одиночки из пятиэтажки на окраине, который в одиннадцать лет уже знал, как открыть чужой подъезд без ключа. Дядя Миша забрал его с улицы буквально за шиворот. Глеб хотел сделать то же самое для других.

На зал нужно было четыре миллиона. У него было восемьсот тысяч и склад в Люберцах.

— Позвоню, — сказал он.

Тимур Бакиев встретил его в кафе у метро «Октябрьская» — в той самой стекляшке, где они пили кофе ещё тогда, когда Глеб выступал, а Тимур служил и приезжал болеть за него в отпуск. Теперь у Тимура было охранное агентство «Щит», двадцать с лишним сотрудников, офис в бизнес-центре и привычка носить пиджак, который сидел на нём так, будто

его надели на шкаф.

— Выглядишь паршиво, — сообщил Тимур вместо приветствия.

— Спасибо. Ты тоже.

— Я выгляжу как успешный предприниматель.

— Ты выглядишь как успешный предприниматель, которого заставили надеть пиджак.

Тимур вздохнул, расстегнул пуговицу и заказал два эспрессо.

— Есть объект, — сказал он, когда официантка отошла. — Личная охрана. Круглосуточно, с проживанием. Оплата — триста в месяц плюс премия по итогам.

Глеб поднял бровь. Триста тысяч. Это было втрое больше, чем на складе.

— Кто?

— Слышал про певицу Лису?

Глеб помолчал. Слышал, конечно. Не слышать было невозможно: её песни лезли из каждой маршрутки, её лицо — огромные светлые глаза, рыжевато-медные волосы, острые скулы — висело на рекламных щитах на Садовом. Последний альбом назывался «Стекло» и, по словам спортивного журналиста, с которым Глеб иногда пересекался, «собрал больше прослушиваний, чем население Европы».

— Нет, — сказал Глеб.

— Врёшь.

— Слышал. И нет.

— Ты даже не дослушал.

— Тимур, я не нянька. Я охраняю склады, потому что склады не разговаривают. Поп-звезда — это капризы, истерики, ночные клубы, папарацци и «принеси мне воды без газа, но комнатной температуры, но не совсем комнатной». Я на сборах таких видел. Они приезжали фотографироваться с боксёрами.

Тимур выслушал его, не перебивая. Потом достал из внутреннего кармана телефон, открыл что-то и положил на стол экраном к Глебу.

На фотографии был лист плотной кремовой бумаги. Текст был напечатан на принтере, но шрифт выбран старинный, с завитками, как в приглашениях на свадьбу.

«Ты сегодня пела про стеклянный город и смотрела в третий ряд. Я сидел в шестом. Ты меня не видела. Ты никогда меня не видишь. Но это ничего. Я вижу тебя за двоих. Зелёное платье тебе не идёт, Алиса. Надень синее. Твой единственный слушатель».

— Это первое, — сказал Тимур. — Пришло четыре месяца назад. Таких было одиннадцать. Последние три — уже не про платья.

Он пролистнул. На следующей фотографии был другой лист.

«Ты сменила охранника. Зачем? Он тебе не нужен. Тебя никто не охраняет лучше меня. Я знаю, когда ты спишь. Я знаю, что ты пьёшь ромашковый чай, когда не можешь

уснуть, и что ты плачешь в ванной, чтобы не слышала мать. Я всегда рядом. Даже когда ты думаешь, что одна. Особенно тогда».

Глеб почувствовал, как что-то холодное сползает между лопаток. Он видел угрозы раньше — в боксе хватает людей, которые проигрывают деньги на тотализаторе и потом пишут злые сообщения. Но там писали со злости. А здесь — с нежностью, и от этой нежности было не по себе.

— Полиция?

— Заявление есть. Дело заведено. Но ты знаешь, как это работает: пока никто не пострадал, это «неприятная переписка». Письма без отпечатков, бумага продаётся в любом канцелярском, отправлены не почтой — их подкладывают. В гримёрку, в машину, один раз — под дворник на парковке у её дома, в охраняемом жилом комплексе.

— Подкладывают, — повторил Глеб. — Значит, имеет доступ.

— Значит, имеет доступ, — кивнул Тимур.

Они помолчали. Официантка принесла кофе. Глеб не прикоснулся к чашке.

— Ты сказал: «сменила охранника». Что с прежним?

Тимур поморщился, будто от зубной боли.

— Артём Гусев. Мой парень, хороший, из бывших росгвардейцев. Работал с ней два месяца. Три недели назад его сбила машина. Ночью, на пешеходном переходе, в двух кварталах от её дома. Водитель уехал. Камеры на том перекрёст-

ке, конечно, не работали.

— Он жив?

— В коме. Врачи ничего не обещают.

Глеб посмотрел в окно. По Ленинскому проспекту ползли машины, серое ноябрьское небо висело так низко, что казалось — можно потрогать.

— Полиция связывает?

— Полиция считает, что это ДТП. Пьяный водитель, обычное дело. Я считаю, что совпадений в нашей работе не бывает.

— А она? Лиса.

— Алиса. Алиса Корнеева. — Тимур усмехнулся без всякого веселья. — Она считает, что её продюсер раздувает историю ради пиара, что письма пишет какой-нибудь подросток, а охрана ей мешает жить. После Артёма у неё было двое моих ребят. Одного она уволила через четыре дня за то, что он «громко дышит». Второго — через неделю, потому что он не пустил её одну на вечеринку. Продюсер, Стальнов, платит и требует. Она увольняет. Я третий раз ищу человека, и мне, честно говоря, больше некого ставить.

— Прекрасная рекомендация.

— Я тебе не рекламу делаю, а правду говорю.

Глеб наконец взял чашку. Кофе остыл.

— Почему я?

Тимур подался вперёд. В его голосе больше не было делового тона — он говорил так, как говорил много лет назад,

когда они вдвоём сидели на лавке у подъезда и Тимур объяснял, что пойдёт служить, потому что больше идти некуда.

— Потому что ты не испугаешься. Потому что тебя не купишь. Потому что ты двадцать лет учился читать человека по плечам, по дыханию, по тому, куда он смотрит, прежде чем ударить. Это и есть охрана, Глеб. Не бицепсы. Глаза. Ты видишь, когда человек собирается сделать шаг. Мои ребята этому на курсах учатся, а ты с этим живёшь.

— Глаза, — повторил Глеб и коротко рассмеялся. — Удачная шутка.

— Я не шучу. Твой правый глаз лучше, чем оба глаза любого из моих ребят. И ещё. — Тимур помедлил. — Ты не станешь её жалеть. Ей не нужна жалость, ей нужна стена. А ты и есть стена. Ты последние полтора года только и делаешь, что стоишь.

Это было больно. Тимур, кажется, сам понял — отвёл взгляд.

— Триста тысяч, — сказал он уже мягче. — За полгода ты закроешь половину суммы на зал. А если найдём того, кто это пишет, Стальнов обещал премию. Миллион.

Глеб долго смотрел на свои руки. На костяшках белели старые шрамы. Руки ещё помнили, как бить. Голова — как держать удар. Только всё это оказалось никому не нужно.

Он подумал про Артёма Гусева, которого не знал. Про тридцать лет, которые тот, наверное, прожил честно и правильно, а теперь лежит под аппаратом, который дышит за

него. Подумал про кремовую бумагу и завитки старинного шрифта. «Я знаю, когда ты спишь».

— Если она меня уволит через четыре дня, — сказал он, — я тебе не виноват.

Тимур расплылся в улыбке.

— Она тебя не уволит.

— Почему?

— Потому что ты дышишь тихо.

Вечером он заехал к матери. Нина Сергеевна жила всё в той же пятиэтажке в Капотне, хотя Глеб, когда у него были деньги, трижды предлагал купить ей квартиру получше. Она отказывалась: здесь соседки, здесь поликлиника, здесь берёзы под окном, которые сажал ещё его отец — тот самый, которого Глеб видел только на одной фотографии.

— Новая работа? — спросила мать, разливая суп по тарелкам. Она всегда угадывала, хоть он ничего не говорил.

— Охрана. Человека.

— Какого человека?

— Певицы.

Мать застыла с половником над кастрюлей.

— Какой певицы?

— Лисы.

Половник вернулся в кастрюлю с громким звяком. Мать повернулась к нему с таким лицом, какое бывало у неё, когда ему было пятнадцать и он приходил домой с разбитой бровью.

— Глебушка, — сказала она осторожно. — Ты же понимаешь, что она тебе не пара.

Глеб поперхнулся хлебом.

— Мам, я её охранять буду. Работа такая. При чём здесь «пара»?

— Ну мало ли, — мать села напротив и подпёрла щёку рукой. — Я по телевизору видела, как она с этим рэпером своим скандалила. Лавров, что ли. Капризная, говорят. Злая.

— Я тоже не подарок.

— Ты подарок, — убеждённо сказала мать. — Только упакован плохо.

Он рассмеялся, и она тоже. А потом, уже в прихожей, когда он завязывал шнурки, мать вдруг тихо спросила:

— Это опасно?

Глеб выпрямился. Он мог бы соврать. Он часто врал ей в юности — про драки, про улицу, про то, откуда синяки. Но теперь ему было тридцать два, и он устал врать.

— Может быть, — сказал он.

Нина Сергеевна кивнула. Поправила ему воротник куртки — как будто ему всё ещё было одиннадцать.

— Тогда береги её, — сказала она. — И себя. Себя тоже, слышишь? Хватит с меня одного глаза.

Ночью ему не спалось. Он лежал в своей съёмной однушке на Варшавке, смотрел в потолок, по которому пробегали полосы света от проезжающих машин, и думал.

Потом встал, открыл ноутбук и набрал в поиске: «Лиса

певица».

Интернет вывалил на него лавину. Клипы, интервью, скандалы, фотографии с красных дорожек. Он начал с клипов — и через десять минут понял, что слушает третий подряд.

Голос у неё был странный. Он ожидал чего-то писклявого, отлакированного, сделанного в студии из ничего. А голос оказался низким, с хрипотцой внизу. На длинных нотах он слегка дрожал — так поют не в микрофон, а кому-то одному, кто сидит очень близко.

Он прочитал её биографию в «Википедии». Алиса Андреевна Корнеева, двадцать шесть лет, родилась в Нижнем Новгороде. Мать — актриса местного драмтеатра Инна Корнеева. Отец не указан. В семнадцать лет — финалистка телевизионного конкурса «Голос улиц», где её заметил продюсер Виктор Стальнов. Первая песня — «Стеклянный город» — стала хитом в девятнадцать. Дальше — три альбома, туры, премии, номинации. Личная жизнь: двухлетний роман с рэпером Марком Лавровым, известным как MC Лавр, закончился громким расставанием с битьём посуды в прямом эфире одного из шоу.

Он посмотрел и это видео. Алиса, в чёрном блестящем платье, швыряет бокал в стену за спиной Лаврова, а потом поворачивается к камере и говорит с ледяной улыбкой: «Простите, у меня аллергия на враньё».

Глеб хмыкнул. Характер. Это он понимал.

Последним он нашёл интервью двухлетней давности, на каком-то небольшом канале. Алиса сидела без макияжа, в огромном сером свитере, с волосами, собранными в небрежный пучок, и выглядела почти девочкой. Журналист спросил её, чего она боится.

Она помолчала. Потом сказала:

«Тишины. Когда заканчивается концерт и все расходятся, и ты остаёшься одна в гримёрке, и вдруг становится так тихо, что слышно, как гудит лампа. Вот этого боюсь. Потому что в этой тишине ты вдруг понимаешь, что никто из этих тысяч людей тебя не знает. Они знают Лису. А Алису никто не знает».

Журналист засмеялся и сказал что-то про «поэтическую натуру». Она тоже засмеялась. Но Глеб смотрел на её глаза — и видел то, чему его учили двадцать лет: человек, который только что пропустил удар и делает вид, что ему не больно.

Он закрыл ноутбук.

«Я знаю, что ты плачешь в ванной, чтобы не слышала мать».

В темноте, где-то за окном, протяжно завыла сигнализация чужой машины. Глеб лежал и думал о том, что кто-то в этом огромном городе прямо сейчас, может быть, тоже не спит. Сидит в темноте перед экраном. Смотрит то же самое интервью. Перематывает назад. Ещё раз. И ещё.

«Алису никто не знает».

«Я знаю», — шепчет тот, в темноте.

Глеб встал, подошёл к окну и долго смотрел на мокрый проспект. Потом взял телефон и написал Тимуру одно слово:

«Когда?»

Ответ пришёл через минуту — Тимур, похоже, тоже не спал.

«Завтра. 11:00. Студия на Пятницкой. Возьми костюм. И терпение. Много терпения».

Глеб посмотрел на свой единственный костюм, который висел в шкафу с того вечера, когда его вносили в зал славы федерации бокса, — за месяц до последнего боя. Пиджак был немного мал в плечах.

Терпения у него было больше, чем костюмов. Боксёры вообще очень терпеливые люди. Они умеют ждать, пока противник ошибётся.

Глава 2. Шкаф

Студия «Октава» занимала два этажа старого купеческого особняка на Пятницкой. Снаружи — облупленная лепнина и чугунные решётки на окнах, внутри — стекло, звукопоглощающие панели цвета мокрого асфальта и запах дорогого кофе. На входе сидел охранник в форме ЧОПа, который при виде Глеба так выпрямился, будто к нему пришла проверка.

— Ветров. К Стальнову.

— Второй этаж, третья аппаратная. Вас ждут.

Ждали его, как выяснилось, не очень.

В коридоре второго этажа было шумно. Кто-то ругался по телефону, кто-то тащил стойку с микрофонами, мимо пронеслась девушка лет двадцати двух с тремя стаканами кофе в картонной подставке, стопкой бумаг под мышкой и лицом человека, который не спал с прошлого вторника. Она врезалась в Глеба плечом, ойкнула, и один из стаканов полетел вниз.

Глеб поймал его в воздухе. Не расплескав.

Девушка уставилась на стакан, потом на него.

— Ой, — сказала она. — Спасибо. Это её. Если бы я его уронила, мне бы конец. Она пьёт овсяный раф без сахара, но с щепоткой корицы, и если корица не та, она это чувствует. Я не знаю как. Я думаю, она ведьма.

— Кто — она?

— Алиса Андреевна. — Девушка вдруг прищурилась. — А вы кто?

— Новый охранник.

— О господи, — сказала девушка с искренним сочувствием. — Я Ника. Ассистентка. Держитесь, ладно?

И умчалась дальше по коридору, прижимая к груди спасённый стакан.

Виктор Стальнов оказался именно таким, каким Глеб его себе представлял, и это почему-то раздражало. Пятьдесят с небольшим, серебристые волосы, зачёсанные назад, загорелое лицо, на котором не было ни одной лишней морщины, — то ли хороший косметолог, то ли хорошая генетика. Тёмно-синий пиджак, белая рубашка без галстука, часы, стоимость которых, как прикинул Глеб, примерно совпадала со стоимостью его будущего зала. Стальнов улыбался широко и тепло, и в этой улыбке было ровно столько искренности, сколько в рекламе банка.

— Глеб Ветров! — Стальнов поднялся навстречу, протягивая руку. Рукопожатие было крепким, отработанным. — Я помню ваш бой с Мамедовым. Девятнадцатый год, «Крылья Советов». Вы его положили в шестом раунде, левым апперкотом. Красота. Чистая геометрия.

— В седьмом, — сказал Глеб.

— В седьмом, — легко согласился Стальнов, ни на секунду не смутившись. — Садитесь. Тимур Рашидович вас очень рекомендовал. Говорит, вы человек серьёзный.

— Стараюсь.

— Это хорошо. Потому что у нас тут, — Стальнов развёл руками, — цирк. Вы, наверное, уже поняли. Ника вас не облила кофе?

— Почти.

— Ника прекрасная девочка, но у неё руки растут из трёх разных мест. — Стальнов сел, закинул ногу на ногу. — Буду с вами откровенен, Глеб. Ситуация неприятная. Вы видели письма?

— Два.

— Остальные в том же духе. Полиция работает, но вы знаете, как они работают. Я хочу, чтобы Алиса была в безопасности. Это мой главный актив — простите за цинизм, но в шоу-бизнесе всё так называется. Через полтора месяца у неё большой концерт в «Олимпийском», перед этим — Петербург, Казань, Екатеринбург. Если с ней что-то случится, сгорит не просто тур. Сгорит пять лет моей работы. — Он помолчал и добавил тоном, который, видимо, считал задушевным: — И, конечно, я за неё очень переживаю. По-человечески. Я её из Нижнего привёз, когда ей было семнадцать. Она мне как дочь.

Глеб кивнул и ничего не сказал. Он за двадцать лет в боксе видел многих промоутеров, которые говорили про своих бойцов «как сын». Обычно это значило, что боец получает двадцать процентов от гонорара.

— Есть нюанс, — продолжил Стальнов. — Алиса отно-

сится к ситуации… легкомысленно. Она считает, что я раздуваю всё ради прессы. И, честно говоря, отчасти её можно понять: в прошлом году мы делали одну историю с якобы угрозами — это было до писем, обычная работа с медиа. Теперь она мне не верит. Охрану воспринимает как тюремщиков. Двоих ваших коллег она выжила за две недели. Вам будет трудно.

— Мне сказали.

— Я прошу вас об одном. — Улыбка Стальнова исчезла, и лицо вдруг стало жёстким, деловым. — Не ведитесь на её капризы. Она будет вас проверять. Она будет говорить, что вы уволены. Вы не уволены, пока я не скажу. Ваш работодатель — я, а не она. Вам ясно?

— Мой работодатель — Тимур, — спокойно сказал Глеб. — У него контракт с вами. А моя задача — чтобы с ней ничего не случилось. Если для этого придётся спорить с ней, я буду спорить. Если придётся спорить с вами — тоже буду.

Стальнов несколько секунд смотрел на него, слегка склонив голову, как смотрят на лошадь на аукционе. Потом снова улыбнулся — на этот раз по-другому, с интересом.

— Тимур Рашидович не соврал. Пойдёмте, я вас познакомлю.

Аппаратная номер три была похожа на рубку космического корабля: огромный пульт с сотнями ползунков и кнопок, мониторы, колонки размером с холодильник. За толстым стеклом виднелась вокальная комната — небольшая,

обитая серым войлоком, с микрофоном на стойке посередине.

В кресле за пультом сидел мужчина лет тридцати пяти — худой, сутулый, в круглых очках и растянутом свитере с оленями. Он повернулся на звук открывающейся двери, и Глеб увидел тонкое, немного усталое лицо с аккуратной бородкой.

— Денис Рябов, наш звукорежиссёр, — представил Стальнов. — Гений и затворник. Денис, это Глеб, новый человек Алисы.

— Очень приятно. — Денис протянул руку. Ладонь у него была сухой и прохладной, пожатие — неуверенным. — Сочувствую.

— Мне все сочувствуют, — заметил Глеб. — Начинаю нервничать.

Денис коротко улыбнулся.

— Она не злая, — сказал он тихо, так, чтобы Стальнов, отвернувшийся к телефону, не услышал. — Просто ей очень страшно. А когда ей страшно, она кусается. Как кошка, которую загнали в угол.

— Вы давно с ней работаете?

— С самого начала. С «Стеклянного города». — Денис кивнул на стекло. — Мы с ней, можно сказать, вместе выросли. Вон, смотрите.

Глеб посмотрел.

В вокальную комнату вошла она.

Первое, что он подумал: она меньше, чем на экране. Го-

раздо меньше. Метр шестьдесят, может, чуть выше. Худая, в широких чёрных брюках и белой мужской рубашке, рукава которой были закатаны до локтей. Медные волосы распущены и падают на плечи тяжёлой волной. Никакого сценического грима — только тёмные круги под глазами, которые не скрыл даже консилер.

Она надела наушники, подошла к микрофону, закрыла глаза — и запела.

Денис щёлкнул тумблером, и голос заполнил аппаратную.

Глеб слышал этот голос ночью, в наушниках, в записи. Но вживую, пусть и через динамики, это било как удар, которого не ждёшь. Не в лицо — под рёбра, туда, где перехватывает дыхание. Она пела что-то медленное, почти без слов, просто мелодию, переходящую из низких нот в высокие и обратно, и Глеб вдруг поймал себя на том, что не дышит.

Она оборвала на середине фразы. Открыла глаза. Посмотрела прямо на стекло — прямо на него.

И нажала кнопку переговорного устройства.

— Это ещё кто? — спросил голос, который секунду назад был способен остановить сердце, а теперь звучал как скрип ножа по стеклу.

Стальнов взял микрофон пульта.

— Алиса, это Глеб Ветров. Твой новый охранник. Я тебе говорил.

— Ты мне говорил, что он придёт в понедельник.

— Сегодня понедельник, солнышко.

Она помолчала.

— Да? — В голосе прозвучало что-то вроде растерянности, но тут же исчезло. — Ну и что он стоит? Я не люблю, когда на меня пялятся, пока я пою. Пусть выйдет.

Стальнов посмотрел на Глеба с выражением «я же предупреждал». Глеб пожал плечами и вышел в коридор.

Он простоял в коридоре час сорок. Мимо ходили люди, бросали на него любопытные взгляды. Ника пробегала ещё четыре раза и каждый раз виновато улыбалась. Один раз остановилась и сунула ему в руку шоколадный батончик.

— Вы не обедали, — сказала она. — Я видела.

— Спасибо.

— Она не со зла, — сказала Ника, точь-в-точь как Денис, и Глеб подумал, что вокруг этой женщины, похоже, все только и делают, что за неё извиняются.

Он использовал это время. Прошёл по этажу. Посмотрел, где камеры (три, одна неисправна — мигал красный диод, но объектив был повёрнут в стену). Посмотрел, где выходы (основной, пожарная лестница, служебный лифт, который вёл прямо во двор). Спросил у охранника внизу, кто имеет доступ на второй этаж (все, у кого есть пропуск, а пропуск, как выяснилось, есть у сорока трёх человек, включая курьеров и уборщицу). Нашёл гримёрку Алисы — маленькую комнату в конце коридора, с зеркалом в лампочках, диваном и вешалкой, на которой висело зелёное платье в блёстках.

Зелёное. Глеб вспомнил письмо: *«Зелёное платье тебе не*

идёт. Надень синее».

Дверь гримёрки не запиралась. Замок был, но ключ, по словам уборщицы, «давно куда-то делся».

Когда Алиса вышла из вокальной, он стоял у двери гримёрки.

Она шла по коридору быстро, глядя в телефон, и не сразу его заметила. А когда заметила — остановилась в двух шагах и подняла голову. Ей пришлось её запрокинуть: Глеб был выше почти на тридцать сантиметров.

Вблизи глаза у неё оказались не голубыми, как на плакатах, а серыми, с зелёным ободком вокруг зрачка. И очень злыми.

— Вы что, — сказала она медленно, — шкаф?

— Простите?

— Вы стоите у моей двери, как шкаф. Огромный, молчаливый и бесполезный. Шкаф. Я буду вас так называть. — Она обошла его, взялась за ручку двери и обернулась. — Знаете, что бывает со шкафами, которые мне не нравятся? Их выносят на помойку.

— Мне говорили.

— И что, не страшно?

— Не очень.

Она прищурилась. Глеб видел, как она оценивает его — так же, как он оценивал противников на ринге. Рост, вес, руки, шея. Шрам над левой бровью. Нос, сломанный дважды и не до конца выправленный.

— Боксёр, — сказала она.

— Бывший.

— Бывших боксёров не бывает. Бывают только отбитые. — Она толкнула дверь гримёрки. — Ника! Мне нужна вода. Без газа, комнатной температуры, но не совсем комнатной, ты знаешь.

Глеб не удержался и хмыкнул.

Алиса обернулась так резко, что волосы взметнулись.

— Что смешного?

— Ничего.

— Вы засмеялись.

— Я угадал, — сказал Глеб. — Про воду. Я своему другу вчера сказал, что вы будете требовать воду комнатной температуры, но не совсем комнатной. Слово в слово.

Секунду она смотрела на него так, будто собиралась ударить. Потом что-то дрогнуло в уголке её рта — то ли начало улыбки, то ли нервный тик.

— Значит, вы не только шкаф, — сказала она. — Вы ещё и экстрасенс. Какая жалость, что это вам не поможет.

И хлопнула дверью у него перед носом.

Следующие три часа превратились в то, что Глеб про себя назвал «разведкой боем».

Она потребовала, чтобы он стоял не у двери, а в конце коридора, «где его не видно». Он встал у двери. Она потребовала, чтобы он принёс ей сэндвич из кафе на Новокузнецкой, «там, где делают с авокадо». Он позвонил Нике и попросил

её заказать доставку. Она сообщила, что ей нужно в аптеку, и попыталась выйти через служебный лифт, пока он разговаривал по телефону. Он оказался в лифте раньше неё.

— Вы что, следите за мной?

— Это моя работа.

— Ваша работа — делать то, что я скажу.

— Моя работа — сделать так, чтобы вы были живы. Это разные вещи.

— Я и так жива!

— Вот и хорошо. Давайте продолжать в том же духе.

Она нажала кнопку первого этажа с такой силой, будто это было его лицо.

В аптеке она купила пластырь, гигиеническую помаду и пачку леденцов от горла — и ещё полчаса бродила между стеллажами, разглядывая витаминки и детское питание, очевидно, просто чтобы позлить его. Глеб стоял у входа, наблюдая за улицей через стеклянную дверь. Аптекарша, пожилая женщина в очках, узнала Алису и попросила автограф для внучки. Алиса расписалась на рецептурном бланке и вдруг улыбнулась — по-настоящему, тепло, совсем не так, как улыбалась ему, — и спросила, как зовут внучку, и написала: «Маше — пой громче всех. Лиса».

Глеб это отметил. Он вообще отмечал всё.

Он отметил, что она ни разу не пошла по улице, не оглянувшись. Что у неё дрожат пальцы, когда она достаёт телефон. Что она вздрогнула, когда мимо них прошёл парень

в капюшоне, и потом минуту делала вид, что поправляет шарф. Что она очень много говорит, очень громко и очень зло — так, как говорят люди, которые боятся замолчать.

Когда они вернулись в студию, было уже около шести. Запись закончилась. Денис собирал свои вещи — старый кожаный рюкзак, термос, ноутбук в чехле, исписанном фломастерами. Стальнов уехал на встречу. Ника сидела на подоконнике в коридоре и ела холодную лапшу из коробки.

— Я переоденусь, и поедем, — бросила Алиса и вошла в гримёрку.

Глеб остался в коридоре. Прошла минута. Две.

Из-за двери не доносилось ни звука.

Ника подняла голову от лапши.

Глеб постучал.

— Алиса?

Тишина.

— Алиса, я вхожу.

Он открыл дверь.

Она стояла посреди гримёрки, ещё в той же белой рубашке, и держала в руках лист бумаги. Плотный, кремовый. Глеб даже от двери узнал этот оттенок.

Она не обернулась. Только сказала очень тихо, совсем другим голосом — тем, который он слышал в интервью двухлетней давности:

— Он лежал на зеркале. Прямо на столике. Под моей пудреницей.

Глеб подошёл, не касаясь, заглянул ей через плечо. Шрифт со старинными завитками.

«Новый охранник. Боксёр. Бедный слепой боксёр. Он не видит левым глазом, Алиса, ты знала? Он не увидит меня, даже если я встану рядом. А я встану. Обещаю. Он тебе не поможет. Тебе никто не поможет, кроме меня. Не плачь сегодня, ладно? Мне больно, когда ты плачешь. Твой единственный слушатель».

Глеб перечитал письмо ещё раз, медленно, по слову.

Его наняли сегодня утром. Договор с Тимуром подписали в одиннадцать. Про глаз знали он, мать, дядя Миша, Тимур и хирург. И, конечно, медицинская комиссия федерации — но кто станет читать протоколы медкомиссий?

Кто-то стал.

И кто-то зашёл в эту гримёрку за последние три часа, пока он стоял в коридоре, водил её по аптекам и ждал у лифта.

— Отдайте, — сказал он мягко. — Не трогайте больше. Там могут быть отпечатки.

— Там никогда нет отпечатков. — Она протянула ему лист, и он взял его за самый край, двумя пальцами. — Полиция уже проверяла. Одиннадцать раз. Он не оставляет отпечатков. Он ничего не оставляет. Он просто… есть.

Она повернулась к нему, и Глеб увидел её лицо. Она не плакала. Глаза были сухими и огромными. Глебу вдруг захотелось разбить это зеркало в лампочках — просто чтобы хоть что-то сделать.

— Это правда? — спросила она. — Про глаз?

Можно было соврать. Сказать, что сталкер ошибся, что это бред, что он видит лучше всех. Но Глеб вспомнил, как мать спросила: «Это опасно?» — и как он устал врать.

— Правда, — сказал он. — Левый видит хуже. Отслоение сетчатки после последнего боя. Поэтому я и бывший.

Она смотрела на него долго. Потом коротко, зло рассмеялась.

— Отлично. Просто отлично. Витя нанял мне полуслепого шкафа.

Это должно было задеть. Это и задело. Но Глеб видел её руки — они тряслись так, что она сжала их в кулаки и спрятала за спину, как школьница.

— Полуслепой шкаф, — сказал он ровно, — за три часа заметил, что камера в коридоре повёрнута объективом в стену. Что ключ от вашей гримёрки потерян, а замок никто не менял. Что пропуск на этот этаж есть у сорока трёх человек. Что между пятью и шестью часами, пока мы были в аптеке, по этому коридору ходили минимум восемь из них. И что тот, кто положил письмо, знал, что у вас сегодня запись и что вас не будет в гримёрке. — Он помолчал. — Он видит вас, Алиса. Это правда. Но теперь я вижу его. Пусть и одним глазом.

Она моргнула.

В дверях появилась Ника — бледная, с коробкой лапши в руках.

— Что случилось?

— Ника, — сказал Глеб, не оборачиваясь, — кто заходил в гримёрку, пока нас не было?

— Я… я не знаю. Я была внизу, потом на кухне, потом… Денис заносил её наушники. Жанна заходила — это менеджер, она за платьями приезжала. Уборщица. Курьер с цветами — у нас каждый день цветы от фанатов… — Ника осеклась. — Господи. Опять?

Глеб посмотрел на стол. Среди баночек, кисточек и флаконов стоял букет — белые розы в прозрачной обёртке. Без открытки.

— Кто подписал доставку?

— Никто. Курьер оставил на ресепшене, я сама принесла… — Ника прижала ладонь ко рту.

Глеб достал телефон, сфотографировал букет, письмо, столик, дверь. Потом набрал Тимура.

— Ещё одно, — сказал он, когда тот ответил. — В гримёрке. Да. Нет, она в порядке. Нет, не уходи. Звони своему следователю. И мне нужны записи с камер на входе, с ресепшена и со двора. За последние четыре часа. Нет. Сегодня.

Он убрал телефон. Алиса всё так же стояла посреди комнаты, обхватив себя руками.

— Вы меня не уволили, — сказал Глеб.

— Что?

— За весь день вы меня ни разу не уволили. Тимур говорил, что первого моего коллегу вы уволили на четвёртый

день. Я думал, вы меня уволите к обеду.

Она посмотрела на него, будто он сошёл с ума.

— У меня был плотный график, — сказала она наконец.

— Понимаю.

— Я вас уволю завтра.

— Хорошо.

— С утра.

— Договорились.

Она помолчала.

— Вы правда видели, что камера повёрнута в стену? — вдруг спросила она тихо.

— Правда.

— Её повернули неделю назад. Я говорила Вите. Он сказал, что это уборщица задела шваброй. — Алиса сглотнула. — На высоте трёх метров.

Глеб ничего не ответил. Он смотрел на белые розы, на кремовый лист бумаги, на зелёное платье в блёстках, которое висело на вешалке в углу и было ей, по мнению кого-то, «не к лицу».

И думал о том, что человек, который пишет эти письма, очень хорошо знает, кто такой Глеб Ветров. Знает его медицинскую карту. Знает, когда Алиса будет в студии, а когда — нет. Знает, что ей нравятся белые розы, и что она плачет в ванной, и что она пьёт ромашковый чай, когда не может уснуть.

Этот человек не стоял в шестом ряду.

Этот человек стоял гораздо ближе.

Глава 3. Человек в капюшоне

Утром она его не уволила.

Она вообще с ним не разговаривала. Вышла из подъезда своего жилого комплекса на Плющихе в восемь тридцать, в тёмных очках, со стаканом кофе в руке, села на заднее сиденье чёрного минивэна, который Глеб подал к самым дверям, и воткнула в уши наушники. За всю дорогу до телецентра она не произнесла ни слова. За всю съёмку программы, где она пела две песни и очаровательно смеялась вместе с ведущим, она ни разу не посмотрела в сторону кулис, где стоял Глеб. На обратном пути она полчаса разговаривала по телефону с какой-то Кирой — громко, смеясь, о каких-то незнакомых ему людях, — и Глеб понял, что наушники были нужны не для музыки, а чтобы стать стеной. Безмолвным «отстань».

Он не обижался. Он работал.

Записи с камер студии Тимур прислал в двенадцать ночи. Глеб просмотрел их до двух, сидя на кухне служебной квартиры — Стальнов снял для охраны однушку на том же этаже, что и Алиса, через лестничную клетку. Прежний жилец, Артём Гусев, оставил там зубную щётку, гантели и фотографию девочки лет пяти на холодильнике. Глеб не стал её снимать.

На записях было много людей и ничего полезного. Курьер с белыми розами вошёл в пятнадцать сорок три — бейсбол-

ка с логотипом сервиса доставки цветов, козырёк надвинут на глаза, медицинская маска. В ноябре, в сезон гриппа, на него никто не обратил внимания. Он оставил букет на стойке, расписался в журнале неразборчивой закорючкой и ушёл. На второй этаж не поднимался. Служба доставки, как выяснил Тимур утром, такого заказа не выполняла.

Значит, письмо лежало не в букете. Букет был отвлечением, подписью, цветочным приветом. А письмо принёс кто-то другой. Кто-то, кого на втором этаже видели так часто, что перестали замечать.

Камера в коридоре, как и следовало ожидать, неделю снимала стену.

Вечером он проводил её до двери квартиры.

Квартира Алисы занимала половину восемнадцатого этажа. Глеб проверил её утром, пока она была в душе, с разрешения Стальнова и под её громкие протесты из-за двери ванной. Белые стены, белый пол, белая мебель — такая стерильная и пустая, что в ней нельзя было спрятаться даже кошке. Единственным живым местом была небольшая комната в конце коридора, домашняя студия: микрофон, синтезатор, гитара с наклейками, стопки исписанных тетрадей на полу и мягкая игрушечная лиса с оторванным ухом, втиснутая между колонками.

Замок на входной двери был электронный, с кодом. Код знали Алиса, её мать, Ника, Стальнов и домработница, приходившая по вторникам. Глеб попросил сменить код. Алиса

ответила, что не собирается запоминать новые цифры каждый раз, когда у кого-то паранойя.

— Это не паранойя, — сказал Глеб.

— Это ваша профессиональная деформация, — ответила она и закрыла дверь.

В десять вечера в её квартире погас свет. В одиннадцать он слышал сквозь стену приглушённую музыку — песню, которую она записывала вчера. В одиннадцать сорок музыка стихла.

В одиннадцать сорок пять он услышал, как в коридоре тихо пискнул электронный замок.

Глеб не спал. Он сидел в темноте в коридоре служебной квартиры, одетый, в ботинках, и смотрел в глазок. Он увидел, как по ту сторону двери проскользнула фигурка в длинном чёрном пуховике с капюшоном, с туфлями в руках — босиком, на цыпочках, как девчонка, сбегающая из дома на дискотеку.

Она не пошла к лифту — лифт был рядом с его дверью. Она пошла к пожарной лестнице.

Восемнадцать этажей. Босиком. В ноябре.

Глеб вздохнул, взял ключи от минивэна и вызвал лифт.

Он ждал её внизу, у выхода с пожарной лестницы во двор, и придумывал, что скажет. Но она не вышла.

Она вышла через подземный паркинг — Глеб забыл, что лестница ведёт ещё на два уровня ниже. Когда он сообразил и побежал к въезду в паркинг, мимо него уже проехало жёл-

тое такси. На заднем сиденье мелькнул чёрный капюшон.

Глеб запомнил номер и побежал к машине.

У Тимура, к счастью, были друзья везде, в том числе в таксопарках. Через двенадцать минут Глеб знал адрес. Через двадцать пять — стоял у входа в клуб «Ворона» в старом цехе завода на Берсеневской набережной, где очередь тянулась на полквартала, а фейс-контроль осуществлял двухметровый бритый тип с татуировкой паука на шее.

Тип посмотрел на Глеба. Потом посмотрел ещё раз, внимательнее.

— Ветров? — сказал он неуверенно. — Глеб Ветров? Ветер?

— Бывший.

— Да ладно! Я на ваш бой с Алиевым ходил! Там такое было… — Тип помрачнел. — Я слышал про глаз. Жалко. Вы бы его взяли, титул то есть.

— Может быть. Мне нужно внутрь. Там девушка, которую я охраняю.

Тип вскинул брови.

— Лиса, что ли? Она пять минут назад прошла. Босиком, прикинь. Туфли уже в гардеробе надела. — Он отстегнул бархатный канат. — Заходите. Второй этаж, вип. И это… автограф потом дадите?

— Дам.

Внутри было темно, громко и душно. Бас бил в грудь, как тяжёлая перчатка. Лазеры резали дым на ломти. Глеб шёл

сквозь толпу, и толпа расступалась — не потому, что он кого-то толкал, а потому, что люди инстинктивно уступают дорогу некоторым фигурам.

На втором этаже, за стеклянным ограждением, было тише и просторнее. Диваны из чёрной кожи, низкие столики, бутылки в ведёрках со льдом. Алиса сидела с краю круглого дивана — в коротком серебристом платье, с бокалом в руке, — и смеялась чему-то, что говорила ей на ухо тёмноволосая девушка с каре и красной помадой. Рядом располагались трое парней с лицами тех, кто никогда не работал и не собирается.

Глеб не подошёл. Он встал у колонны в пяти метрах, так, чтобы видеть и её, и лестницу, и выход на террасу. И стал ждать.

Она заметила его через семь минут. Глеб видел, как изменилось её лицо: сначала испуг, настоящий, животный — тёмная фигура у колонны, смотрит на неё, — потом узнавание, потом облегчение, которое она тут же спрятала, и наконец чистая, безупречная ярость.

Она поставила бокал, встала и подошла к нему, стуча каблуками.

— Вы ненормальный, — сказала она, перекрикивая музыку. — Вы просто ненормальный. Вы что, не спите?

— Сплю. Днём.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы за мной ходили как за ребёнком! Я взрослая женщина! Я имею право посидеть с по-

другой в клубе без того, чтобы мне дышали в затылок!

— Я в пяти метрах.

— Вы дышите мне в затылок с пяти метров!

Тёмноволосая девушка — видимо, та самая Кира — подошла следом и осмотрела Глеба с насмешливым интересом.

— Это и есть твой шкаф? Алиска, да он же сладкий. — Она протянула ему руку с длинными красными ногтями. — Кира. Вы танцуете?

— Нет.

— Жаль. А что вы делаете?

— Работаю.

Кира расхохоталась. Алиса закатила глаза.

— Уходите, — сказала она. — Это приказ.

— Нет.

— Я позвоню Вите.

— Звоните. И скажите ему заодно, что вы спустились с восемнадцатого этажа по пожарной лестнице босиком и сели в первое попавшееся такси, которое вызвали со своего аккаунта. Со своего. Алиса. С адресом дома и адресом клуба. В приложении, к которому у вас пароль — дата рождения. И об этом вызове сейчас знают водитель, диспетчер и кто угодно, у кого есть доступ к вашему телефону. Звоните.

Она открыла рот — и закрыла.

Кира перестала смеяться.

— Ались, — сказала она уже другим тоном. — Может, он прав?

— И ты туда же?

— Я не туда же. Я просто… — Кира вздохнула. — Ладно. Я пойду потанцую. Разбирайтесь сами.

Она ушла. Алиса стояла напротив Глеба, запрокинув голову, и в её глазах отражались лазеры.

— Вы что, читаете мои мысли?

— Я читаю то, что вы делаете. Мысли — это ваше дело.

— И что же я, по-вашему, делаю?

Глеб помолчал.

— Убегаете, — сказал он. — От тишины. Вы сами говорили в интервью.

Она побелела. Даже в цветном полумраке клуба было видно, как кровь отхлынула от её лица.

— Вы смотрели мои интервью?

— Я готовился к работе.

— Как он, — сказала она шёпотом, но он услышал даже сквозь музыку. — Вы точно как он. Вы следите за мной. Вы читаете про меня. Вы знаете, что я пью и когда сплю. Так какая разница между вами?

Этот удар он не ждал. И он прошёл.

Глеб долго смотрел на неё. Потом сказал тихо, наклонившись, чтобы она слышала:

— Разница в том, что я стою у вас на виду. И вы можете послать меня к чёрту в лицо. И если вы позвоните Тимуру и скажете, что меня надо заменить, — меня заменят. А его вы заменить не можете.

Она молчала. Губы у неё дрожали.

— Я посижу ещё полчаса, — сказала она наконец, не глядя на него.

— Хорошо.

— И вы будете стоять тут.

— Буду.

— Ненавижу вас.

— Это понятно.

Она развернулась и ушла к дивану. Но Глеб заметил, что все последующие полчаса она садилась так, чтобы видеть его углом глаза. И что плечи у неё больше не были подняты к ушам.

Они вышли через чёрный ход в час сорок. Тип с пауком на шее получил свой автограф — два автографа, от Глеба и от Алисы, на одной салфетке, и был счастлив неимоверно. Он же показал им служебный выход — у главного входа уже дежурили двое с фотоаппаратами: кто-то из гостей выложил сторис с Лисой.

За заводом была пустая парковка, освещённая двумя фонарями из трёх. Глеб оставил машину в дальнем углу, под тем, который горел. Мокрый асфальт блестел, с реки тянуло холодом и тиной. Алиса шла рядом, кутаясь в пуховик, и цокала каблуками — тихо и сердито.

На полпути Глеб остановился.

Он не сразу понял, что именно заметил. Так бывало на ринге: тело реагировало раньше головы. Что-то неправиль-

ное слева. Слева, там, где мир был чуть размыт по краям, будто за плёнкой воды.

Он повернул голову. Не глаза — всю голову, как научился делать за полтора года.

Между двумя мусорными контейнерами, в тени, стоял человек. Тёмная толстовка с капюшоном, надвинутым на лоб. В руках — что-то, что поймало отблеск фонаря.

Объектив.

Щёлк. Щёлк-щёлк-щёлк. Серийная съёмка, без вспышки.

Алиса тоже увидела. Глеб услышал, как она втянула воздух — коротко, со свистом, как перед криком.

— В машину, — сказал он, не отрывая взгляда от тени, и сунул ей в руку ключи. — Заблокируйся. Не открывай никому, кроме меня. Бегом.

Он даже не заметил, что сказал ей «ты».

И побежал.

Человек в капюшоне метнулся в сторону, за контейнеры, и нырнул в проход между двумя цехами. Быстрый. Молодой — Глеб понял это по бегу, по тому, как он легко перемахнул через низкий бетонный бортик, не сменив темпа. Глебу было тридцать два, и полтора года он не делал ничего, кроме лёгких пробежек. Но он десять лет по утрам бегал кроссы в Измайловском парке, и ноги помнили.

Проход. Двор со сваленными поддонами. Лужа — по щиколотку, насквозь. Решётка забора — капюшон взлетел на неё, как обезьяна, Глеб — тяжелее, но тоже быстро, ободрав

ладонь о ржавую проволоку. Набережная. Фонари. Капюшон бежал вдоль парапета к мосту, и расстояние между ними сокращалось — двадцать метров, пятнадцать, десять…

Капюшон оглянулся. Глеб увидел кусок лица — бледное, без бороды, с вытаращенными от страха глазами. Совсем сопляк. Двадцать, может, двадцать два.

Потом парень сделал то, чего Глеб не ожидал. Он перемахнул через гранитный парапет — и исчез.

Глеб подбежал и перегнулся через край. Внизу, метрах в двух, тянулся узкий бетонный карниз над самой водой — и по нему, прижимаясь к стене, уже удирала тёмная фигура. Через пятьдесят метров карниз уходил под мост, а там — лестница, причал, темнота.

Можно было прыгнуть. Два метра — ерунда. Тело уже собралось для прыжка.

И в эту секунду Глеб подумал об Алисе, одной, в машине, на пустой парковке, где горели два фонаря из трёх.

А если они были вдвоём? А если парень с фотоаппаратом — приманка, чтобы увести охранника на полкилометра?

Глеб выругался сквозь зубы, развернулся и побежал обратно. Быстрее, чем сюда. Гораздо быстрее.

Минивэн стоял на месте. Двери были закрыты. Салон казался пустым.

У Глеба остановилось сердце.

Он добежал, дёрнул ручку — заперто. Прилип к тонированному стеклу.

Она сидела на полу между сиденьями, свернувшись в комок, подтянув колени к груди, и обеими руками сжимала телефон. Экран светился: набранный, но не отправленный вызов — «112».

Глеб постучал костяшками по стеклу. Она вздрогнула всем телом.

— Это я, — сказал он. — Алиса. Это я. Глеб.

Щёлкнул замок. Он распахнул дверь, залез внутрь и захлопнул её за собой. В салоне пахло её духами — чем-то горьковатым, древесным — и страхом. У страха есть запах, Глеб знал это по раздевалкам перед боем.

— Всё, — сказал он, опускаясь на корточки рядом с ней, в тесном проходе между креслами. — Всё. Ушёл.

— Ушёл? — её голос был тонким, неузнаваемым. — Вы его упустили?

— Упустил.

— Почему?

— Потому что вы были тут. Одна.

Она подняла на него глаза. Тушь потекла, но она не плакала — просто тёрла лицо рукавом. Подбородок мелко трясся.

— Вы могли его поймать.

— Мог.

— И тогда бы всё закончилось.

— Может быть. А может, нет. — Глеб посмотрел на свою разодранную ладонь, та слегка кровила. — Это был пацан, Алиса. Лет двадцати. С фотоаппаратом. Он меня испугался

до смерти. А тот, кто пишет вам письма, меня не боится. Он вчера про меня писал. Не думаю, что это один и тот же человек.

Она молчала. Потом тихо сказала:

— У вас кровь.

— Об забор.

Алиса полезла в сумочку, которая валялась рядом. Долго рылась там трясущимися пальцами, и достала пластырь — тот самый, из аптеки. Детский, с рисунком: маленькие рыжие лисички.

— Дайте руку.

— Не надо.

— Дайте руку, я сказала.

Он дал. Она взяла его ладонь в свои — холодные, узкие, с коротко остриженными ногтями гитаристки — и долго, сосредоточенно наклеивала пластырь, разглаживая его большим пальцем. Пластырь был размером с почтовую марку и не закрывал и трети царапины.

Глеб смотрел на её макушку и не двигался.

— Вы сказали «ты», — сказала она, не поднимая головы.

— Извините.

— Я не просила извиняться.

Она отпустила его руку, как будто только сейчас заметила, что держит её, и села ровнее, прислонившись спиной к сиденью.

— Отвезите меня домой, Шкаф, — сказала она устало. —

Пожалуйста.

Это было первое «пожалуйста», которое он от неё услышал.

На набережной, у того места, где парень перемахнул через парапет, Глеб на секунду притормозил. В свете фар на граните что-то блеснуло. Он вышел, не заглушая мотора, и подобрал находку пальцами, обёрнутыми носовым платком.

Крышка от объектива. Чёрная, пластиковая, с логотипом дорогой фирмы. На внутренней стороне кто-то нацарапал странный символ — то ли треугольник с ушами, то ли лисью морду — и две буквы: «К.Ш.»

Глеб завернул крышку в платок, сунул во внутренний карман и вернулся за руль.

Алиса спала на заднем сиденье, завернувшись в пуховик с головой, и во сне держалась за левую руку правой — там, где она только что держала его ладонь.

Глеб вёл машину очень медленно. Так медленно, что его обогнал даже мусоровоз.

На его ладони смешно и нелепо торчали маленькие рыжие лисички.

Глава 4. Синее одеяло

Следующие пять дней были похожи на перемирие, которое никто не объявлял.

Алиса больше не сбегала. Она сменила код на двери — молча, без напоминаний, просто на следующее утро протянула ему бумажку с шестью цифрами и сказала: «Только вы и я. Даже Вите не говорите». Она удалила приложение такси. Она даже согласилась, чтобы он проверял квартиру каждый вечер перед тем, как она войдёт, — с таким видом, будто делает ему огромное одолжение.

Шкафом она называть его не перестала. Но интонация изменилась. Раньше это было оскорбление. Теперь — что-то вроде прозвища, которое дают старому неуклюжему псу.

— Шкаф, вы едите как пещерный человек, — сообщила она в среду, наблюдая, как он в три приёма расправляется с шаурмой в машине у телецентра.

— У меня двадцать лет на еду было три минуты. Между тренировками.

— А сейчас?

— А сейчас у меня есть вы. Думаю, ещё меньше.

Она фыркнула и отвернулась к окну. Но Глеб видел в зеркале заднего вида, как она улыбнулась.

В четверг она впервые спросила его о чём-то личном. Они стояли в пробке на Третьем кольце, дворники лениво разма-

зывали мокрый снег, и она вдруг сказала, глядя в стекло:

— А вам было страшно? На ринге?

— Всегда.

— Правда? — Она повернулась. — Вы не выглядите как человек, которому страшно.

— Вы тоже не выглядите на сцене.

Она помолчала.

— И как вы с этим… справлялись?

— Дядя Миша, мой тренер, говорил: страх — это не враг. Страх — это секундант. Он стоит в твоём углу и кричит тебе, когда пригнуться. Его надо слушать. Но нельзя пускать на ринг.

Алиса долго смотрела на него. Потом достала из сумки маленький блокнот в кожаной обложке и что-то туда записала.

— Что вы пишете?

— Не ваше дело, Шкаф.

Но блокнот она закрыла не сразу — ещё долго сидела, постукивая ручкой по губам, и смотрела на страницу.

В пятницу была репетиция с балетом для тура. Семь часов в огромном ангаре на заводе «Кристалл», где монтировали декорации: огромные стеклянные панели, подсвеченные изнутри, и стальные фермы с десятками прожекторов под потолком. Алиса пела одну и ту же песню семнадцать раз, потому что хореограф — восторженный испанец по имени Хави, который разговаривал на смеси трёх языков и всех назы-

вал «кариньо», — хотел, чтобы она шла по стеклянному подиуму «как будто он сейчас треснет, но тебе наплевать».

— Я и так так хожу целыми днями, — сказала Алиса в микрофон, и балет засмеялся.

Глеб не смеялся. Он стоял сбоку от сцены и смотрел на фермы. На них работали люди — техники света в чёрных футболках, страховочные тросы, бухты кабелей. Он попросил у режиссёра монтажа список всех, кто работает на площадке, и получил в ответ такой взгляд, будто попросил показать татуировку на неприличном месте. Список ему прислали через час: сто двадцать четыре человека. Без фотографий.

Денис Рябов сидел за пультом в центре зала, под навесом из брезента, и время от времени что-то говорил Алисе в гарнитуру. Она кивала, касалась пальцами уха и пела чуть иначе. В перерыве Денис принёс ей термос.

— Ромашка с мёдом, — сказал он. — У тебя связки садятся, я слышу.

— Денис, ты ангел.

— Я знаю, — сказал он с лёгкой улыбкой, и поправил очки.

Ромашка. Глеб отметил это так же автоматически, как отмечал всё остальное, — и сам себе покачал головой. Ромашковый чай с мёдом дают певицам при усталости связок во всех студиях мира. Это знали все, кто хоть раз работал с вокалистом. Если подозревать каждого, кто знает про ромашку, можно сойти с ума.

И всё же он запомнил.

Они вернулись на Плющиху в половине одиннадцатого. Алиса заснула в машине — она всегда засыпала в машине, стоило тронуться с места, как маленькие дети, — и Глеб несколько минут сидел в подземном паркинге с выключенным мотором, не решаясь её будить. Потом она сама открыла глаза и сказала сонно:

— Вы смотрите на меня, когда я сплю.

— Я смотрю на парковку.

— В зеркало.

— В зеркале парковка.

— Угу, — сказала она с непередаваемой иронией и потянулась.

На восемнадцатом этаже он оставил её у лифта — как всегда — и пошёл к двери. Набрал новый код. Замок пискнул зелёным.

В квартире было темно и тихо. Пахло так, как пахнет пустое жильё, — пылью, холодной техникой, её духами, въевшимися в куртки на вешалке. Глеб включил свет в прихожей. Прошёл на кухню. В гостиную. В студию — лиса с оторванным ухом смотрела на него из-за колонок бусинками глаз. В ванную. Во вторую ванную. В гардеробную.

В спальню.

Свет в спальне включался не сразу — умные лампы загорались плавно, как рассвет. И пока они разгорались, Глеб уже увидел.

На подушке.

Прямоугольник, чуть светлее белого белья. Кремовый.

Глеб не подошёл ближе. Он стоял в дверях и смотрел. На фотографию, напечатанную на плотной кремовой бумаге, с белыми полями, как старинный снимок. На фотографии была эта кровать. И Алиса в ней.

Она спала на боку, подложив ладонь под щёку. Волосы рассыпались по подушке. Одеяло — тёмно-синее, бархатное — сползло с плеча. Снимок был сделан сверху и сбоку — с того места, где сейчас стоял Глеб. Из дверей.

Внизу, на белом поле, тем же старинным шрифтом с завитками было напечатано:

«Ты так красиво спишь. Синее тебе идёт. Я же говорил».

У Глеба было в жизни много страшных моментов. Но он впервые почувствовал, как страх — тот самый секундант, о котором говорил дядя Миша, — не кричит из угла, а стоит у него за спиной и дышит ему в затылок.

Он резко обернулся.

Коридор был пуст.

Он снова прошёл квартиру — всю, каждый шкаф, каждую нишу, балкон, пространство под кроватью, даже стиральную машину, в которую не поместилась бы и кошка. Никого. Окна закрыты, на восемнадцатом этаже они и не открывались до конца — только на проветривание. Дверь на балкон — заперта изнутри.

Код сменили пять дней назад. Знали двое.

Или не двое.

Из коридора донёсся писк замка. Глеб не успел дойти до прихожей — Алиса уже стояла на пороге, стягивая с шеи шарф.

— Вы долго. Я подумала… — Она увидела его лицо и осеклась. — Что?

— Алиса, не ходите в спальню.

Именно это и не нужно было говорить. Он понял это в ту же секунду, но было поздно. Она проскользнула мимо него — легко, как вода сквозь пальцы, — и оказалась у двери спальни раньше, чем он успел её остановить.

Она не закричала.

Она просто стояла и смотрела на подушку. Потом медленно, как во сне, повернула голову и посмотрела на кресло в углу. На кресле лежало аккуратно сложенное тёмно-синее бархатное одеяло.

— Я его убрала, — сказала она совершенно спокойно, и от этого спокойствия Глебу стало хуже, чем если бы она завизжала. — В воскресенье. Потому что он написал про синее. Про платье. В первом письме. Мне стало противно синее. Я убрала всё синее. А до этого я спала под ним два месяца. Значит, он… — её голос наконец дрогнул, — значит, это было давно. Значит, он давно… Значит, он здесь был. Ночью. Когда я… Глеб, когда я спала. Он стоял вот тут. Вот тут, где вы. И смотрел. А я спала.

Она первый раз назвала его по имени.

А потом её ноги подкосились.

Глеб поймал её — так же, как ловил стакан Ники в воздухе, не думая. Она была лёгкая, гораздо легче, чем казалась, и тряслась так, что у неё стучали зубы. Он вынес её из спальни, из квартиры, через лестничную клетку, к себе — и посадил на кухонный стул в служебной однушке, где на холодильнике висела фотография чужой пятилетней девочки.

Он налил ей воды. Она не смогла удержать стакан. Он держал стакан сам, пока она пила мелкими глотками, стуча зубами о край.

— Вода не той температуры, — сказал он. — Извините.

Она подавилась — и вдруг засмеялась. Смех был странный, на грани рыдания, но это был смех.

А потом она заплакала. По-настоящему, некрасиво, отчаянно, так, как плачут не звёзды, а дети, которые слишком долго терпели. И Глеб сидел на корточках перед ней, держал в ладонях её холодные руки и ничего не говорил. «Когда человеку совсем худо, не болтай, — говорил дядя Миша. — Сиди рядом и не уходи».

Полиция приехала в час ночи. Вслед за ней, через двадцать минут, — Стальнов, в кашемировом пальто поверх спортивного костюма, с лицом человека, который подсчитывает убытки. Ещё через полчаса — Тимур.

Расследование вела женщина. Майор Ольга Зорина была невысокой, крепкой, лет сорока, с короткой седеющей стрижкой и такими внимательными тёмными глазами, что

Глебу захотелось проверить, не застёгнута ли у него рубашка не на ту пуговицу. Она прошла по квартире медленно, сунув руки в карманы куртки, и ни до чего не дотрагивалась. Потом остановилась в дверях спальни — там, где стоял фотограф, — и простояла там почти минуту.

— Кто ещё знал новый код? — спросила она, не оборачиваясь.

— Никто, — сказал Глеб.

— Кто-то знал.

— Нет. Фотография сделана до смены кода. Одеяло убрали в воскресенье. А положили её сегодня. Значит, тот, кто положил, вошёл не через дверь. Или через дверь, но не по коду.

Зорина обернулась и посмотрела на него с интересом.

— Вы охранник.

— Да.

— Бывший спортсмен. Бокс?

— Да.

— Соображаете быстрее, чем мой стажёр. — Она кивнула на молодого лейтенанта, который как раз пытался сфотографировать подушку и не мог справиться со вспышкой. — Не через дверь. А как?

Глеб помолчал.

— У управляющей компании есть мастер-код, — сказал он. — Я узнавал. На случай пожара или потопа. И есть сервисный ключ — физический, для механического замка

под панелью. Его выдают подрядчикам, которые работают в квартире. Под расписку.

— Каким подрядчикам?

Ответил Стальнов, из гостиной, неожиданно тихо:

— В прошлом году делали студию. Звукоизоляция, проводка, аппаратура. Строители, электрики, акустики… человек пятнадцать. Я не помню всех. Жанна помнит, она занималась.

Зорина кивнула и что-то записала в блокнот.

— Замок поменяем, — сказал Тимур. — Завтра же. Весь. И поставим камеры внутри.

— Нет, — сказал Глеб.

Все посмотрели на него.

— Она сюда не вернётся, — сказал Глеб. — Не сейчас. Он знает эту квартиру лучше нас. У него были месяцы, чтобы её изучить. Мы меняем замок — а если у него есть что-то ещё? Камера в вентиляции? Дубликат ключа от чёрного хода? Друг в управляющей компании? Ей нужно место, которого он не знает.

Стальнов потёр переносицу.

— У меня есть дом в Истре, — сказал он. — Я там почти не бываю. Охраняемый посёлок, забор, камеры. Свой сторож. Про него не знает никто, кроме меня и бухгалтера.

— И нас, — сказала Зорина.

— И вас, — согласился Стальнов с видом, который не оставлял сомнений, что и это ему не нравится.

— Пусть так и останется, — сказал Глеб. — Ни Нике, ни Жанне, ни матери. Никому. Для всех она уехала отдыхать перед туром. Куда — никто не знает.

— У неё через две недели Петербург, — сказал Стальнов.

— Значит, у нас есть две недели.

К трём часам ночи все разъехались. Зорина забрала фотографию в прозрачном пакете и оставила Глебу визитку — лично ему, не Стальнову. «Если что — звоните мне. Не в дежурную часть. Мне».

Глеб отдал ей крышку от объектива с нацарапанными буквами «К.Ш.» и рассказал про набережную. Зорина повертела крышку в пальцах через пакет и ничего не сказала — но что-то в её лице изменилось.

Алиса сидела на кухне служебной квартиры, завернувшись в его куртку, и смотрела в окно. За окном снова шёл снег — настоящий, уже не мокрый, крупный, медленный.

— Вам нужно поспать, — сказал Глеб. — Мы выедем в шесть, до пробок. Ложитесь на моём диване, я посижу здесь.

Она покачала головой.

— Я не смогу.

— Сможете. Дверь на два замка, я на кухне. Сюда никто не войдёт.

— Вы не понимаете. — Она повернулась к нему, и в свете уличного фонаря её лицо было серым и очень взрослым. — Я закрою глаза — и буду думать, что кто-то стоит в дверях. И смотрит. Всегда. Теперь всегда.

Глеб помолчал. Потом взял кухонный стул, перенёс его в комнату и поставил в дверном проёме. Сел. Скрестил руки на груди.

— Тогда в дверях буду стоять я, — сказал он. — И смотреть буду не на вас. На коридор. И если кто-то попробует пройти — ему придётся пройти через меня.

Она смотрела на него долго. Потом молча поднялась, дошла до дивана и легла, прямо в его куртке, лицом к нему. Подложила ладонь под щёку — так же, как на фотографии, и Глеб стиснул зубы.

— Расскажите что-нибудь, — попросила она шёпотом.

— Что?

— Не знаю. Про бокс. Про дядю Мишу. Что угодно. Только чтобы не было тихо.

И Глеб, который не умел рассказывать истории и за всю жизнь не произнёс ни одной речи длиннее трёх предложений, вдруг начал рассказывать. Про то, как в девять лет украл в ларьке шоколадку и его поймала продавщица тётя Зина, и вместо того чтобы вызвать милицию, дала ему вторую и сказала: «Раз тебе так сладкого хочется — приходи и спрашивай». Про то, как дядя Миша на первой тренировке заставил его час стоять в стойке и ничего не делать, и как он чуть не ушёл, и как потом понял, что это был самый важный урок. Про свой первый бой в Магнитогорске, где в зале было минус пять и судья судил в шапке-ушанке.

Он говорил тихо и ровно, как читают на ночь. И в какой-то

момент заметил, что её дыхание стало глубоким и равномерным.

Он замолчал.

— Не останавливайтесь, — пробормотала она сквозь сон. — У вас такой голос… низкий. Как виолончель. Я бы написала песню…

И заснула по-настоящему.

Глеб просидел в дверях до шести утра, не сомкнув глаз. Он смотрел на коридор, как и обещал.

Почти всё время.

В половине седьмого, когда они уже выехали на Новорижское шоссе, у Глеба завибрировал телефон. Тимур.

— Ты новости видел?

— Я за рулём.

— «Лису преследует маньяк: незнакомец фотографировал певицу во сне». Все крупные сайты. С подробностями. Про кремовую бумагу, про синее одеяло. Про то, что у неё новый охранник, бывший боксёр Глеб Ветров. С твоей фотографией с боя с Алиевым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.